

Светлана Забарова

Родилась в г. Чимкенте, КазССР, в 1960 г. Окончила музыкальное училище им. М. П. Мусоргского и Институт психологии и социальной работы по специальности «прикладная психология». Автор книг «Тень беркута», «Сигналы», «Ватыркан». Публикации в журналах «Новый мир», «Урал», «Северо-Муйские огни», «Аврора», «ЛГ» и др., в изданиях Республики Казахстан и Китая. Лауреат литературной Премии им. Н. В. Гоголя, Лауреат литературной Премии им. Ю. С. Рытхэу. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Член Союза российских писателей. Живёт в Санкт-Петербурге.

Утки живут вечно

Серику нравилось жить на озере, нравилось сторожить озеро и наблюдать жизнь уток, а ещё то, что про них давно все забыли: и про него, и про озеро, и про уток.

Он не думал, что может обрести смысл и покой после того, как закрыли и затопили все шахты рудника «Глубокий», на который он пришёл работать в семнадцать лет, а памятник Горняку, что, могучий и гордый, высился при въезде в город, чтобы всем сразу было ясно, куда въезжают, новые власти велели передвинуть, чтобы людям глаза не мозолил своей робой и отбойным молотком.

Поставили его тогда во дворе бывшего комбината «Ач-полиметалл», но помещение комбината отдали под развлекательный центр, и Горняк своим видом портил общее праздное настроение – хмуро глядел вдаль.

Тогда его ещё передвинули: вначале на улицу Алтынсарина – против школы, но это тоже чересчур возбуждало людей, мол, то, сё, вот раньше мы были горняки, а теперь бродяги-босяки, как наш памятник, детям сказать нечего, и тогда его убрали совсем почти за городскую черту. Население дало ему название Шагающий Горняк, на том все успокоились. Кроме Серика.

Раньше Горняку пять раз в год приносили цветы: на Первое сентября, на Седьмое ноября, ещё на Первомай и Девятое, и в августе, на День Горняка.

Теперь Шагающий Горняк стоял возле разросшегося и заброшенного бывшего городского питомника, и никто ему цветов больше не носил, только Серик.

Он, как заведённый, носил ему пять раз в год цветы. Из упрямства. Серику казалось, что это и его так задвинули куда-то на окраину жизни, он же тоже горняк, только не чугунный, его двигай – не двигай, а решать что-то с ним надо.

Только кому теперь его дело решить? Прежнее начальство – уже не начальство. Один в вертолётe разбился, другого инфаркт прихватил, третий стал почётным гражданином – принимает школьников в праздник и рассказывает о прошлых днях, прямо как будто горный ветеран после отгремевших битв; один ещё садом занялся и вино гонит, так увлёкся – гонит и гонит: наливки, коньяки домашние, самогон, будто никогда другим делом не занимался. И Серику говорит: «И ты займись чем-нибудь».

– Чем? Я же проходчик, чем заняться?

– Ну пчёл разводи, как семья Байсеитовых, ничего, целую себе пасеку завели. Гусейновы в Турцию ездят – магазин у них.

– Ага. Но я же проходчик, а не пчеловод.

– Тогда уезжай.

– Куда?

– Откуда я знаю? Слушай, ты тут не самый умный, ладно?

Не надо вот этого, я, куда ты клонишь, в ту сторону даже смотреть не буду. Ты думай, чем семью кормить, а другие вопросы не ставь, а то задвинут ещё дальше Шагающего.

И из-за цветов на него стали в городе косо смотреть: вначале сочувствовали, потом у виска крутили, потом плевались, а потом сказали, что могут морду начистить. Он, с этим Шагающим и цветами, был близок к избиению бывшими горняками. Потому что самый, что ли, умный? Но это ему всё равно было.

Теперь перед въездом в Город поставили огромную, из стеклопластика, стелу, называется «Независимость» – весь город ей цветы носит, а этот в обратную сторону себя демонстрирует – против независимости страны, что ли?

Но тут приехал из столицы родственник жены, Кайрат Садыков, он был знаменитый человек – чуть не актёр, но потом каким-то, что ли, бизнесом занялся, и у него пошло. Выслушал и сразу сказал: «Твой вопрос – не вопрос,

счас по-быстрому сделаем, пока на стол накрывай. Этот ваш новый аким – хитрожопый, но я его насквозь вижу. Устроим тебя».

Так его поставили на озеро Чагу сторожем базы отдыха.

Озеро Чага небольшое по размеру, пресное, и не было в нём вроде бы никакой особой броской красоты, но красота в нём была затаённая, внутренняя, как и у людей бывает. Чем больше глядеть – тем больше хочется глядеть.

Озеро лежало прямо посреди степи, не видно издали, только по поросли камыша и ивняка вдоль берегов и можно было понять, что какая-то вода в степи.

Вода в нём была вровень со степью – не выпячиваясь и не прогибаясь. Просто степь входила спокойно в воду и потом на другой стороне – выходила, и дальше себе текла к горизонту и за него. Степь становилась выше воды только весной, когда покрывалась люцерной, ковылём, маками, а в мае – тюльпанами.

Тогда озеро совсем скрывалось из виду, и только внимательный взгляд сквозь прорехи разнотравья мог уловить какие-то бледные перламутровые проблески – будто глазированные голубые черепки когда-то развалившегося минарета.

Летом трава выгорала – солнечный пал выжигал до песка, и тогда озеро опять являло себя путнику.

Серик давно жил на озере один, без семьи: та отказалась бросать городскую квартиру. Жена сказала: «Тебе вонючие утки дороже собственных детей. Пусть они тебе крикают вместо жены, хоть спи с ними: с одного бока пусть у тебя утки спят, с другого – пусть рыбы, в такой компании тебе в самый раз!»

Впрочем, семья не развалилась окончательно, а держалась на тонких паутинных ниточках воспоминаний о прежней любви и жизни. И ещё – на постели. До сего дня они делили постель только друг с другом; невзирая на все ссоры и скандалы, и призывы жены в постель уток с рыбами, и болезненный отъезд Серика на Чагу, никто ни справа, ни слева не влез в их постель.

Интересно, что отметил Серик: вдали от жены он её любил и видел лучше, и ближе она ему была, чем когда была рядом в их городской квартире; в городской квартире он её иногда переставал узнавать: как будто какая-то чужая женщина рядом; а когда сидел вечерами на озере и думал о ней, то любил как прежде – юношески, даже ещё сильнее.

Вот и за этой любовью он также уехал на озеро, за любовь к своей жене.

На озере бывала абсолютная тишина и красота тишины. В этой тишине мысль даже казалась слышной, громкой, а чувство разрасталось и затопляло собой округу. Образ жены прояснялся, приобретал чёткость и зримую видимость – ему порой казалось, что тонкий силуэт жены, проходящий стороной, осязаем.

Он его даже караулил, ждал, как ждут в засаде пролёта уток. Утка в полёте чем-то напоминала жену.

Когда утка низко над водой летит, она уже не кажется неловкой и корявой, она вытягивается струной, стройнеет. В летящей утке появляется особая утончённая грация и соразмерность – она устремляется вперёд вытянутой шеей, и тело её, обтекаемое воздухом и чуть оттянутые вбок и назад крылья – всё это её движение, скользящее вдоль воды, кажется каким-то вечным.

Более прозаичные люди – охотники или туристы говорили, что летящая утка похожа на кеглю с крыльями, но Серик сопротивлялся такому образу.

Как-то Серик заболел грыжей, он пошёл к доктору. Разговорились о жизни: о том, сколько кому отмерено, и что никто свой срок не выживает. Доктор ему уток в пример привёл: что вот у уток нет гена старения, и если б уткам дали жить спокойно, если бы зимой в холода они не вымирали, если бы не ели дурной пищи и на них не охотились браконьеры, то утка могла бы жить лет триста, как дуб или сова, или вообще вечно.

Человека трудно принудить к правильной жизни, а если уткам создать правильную жизнь, то хорошо бы поглядеть – прав доктор или заливаает. Засело это у Серика в голове. Загорелся идеей.

Когда у человека в жизни появляется идея, он многое может. Идея же была не в том, чтобы проследить вечность в жизни утки, а в том, чтобы увидеть свою жизнь или жизнь той же утки в вечности. Уловить смысл жизни как таковой после затопления шахт и фиаско с Шагающим Горняком, чтобы мог себе сказать, что для чего-то важного жил, любил и каждодневно открывал глаза.

Ещё он хотел очиститься от грусти, вновь обрести какую-то весёлость в жизни. Когда, с какого момента жизнь перестала его радовать, когда она приобрела вкус масла, прогорклого масла? Неужели, чтобы жить, нужно как-то всё время двигаться, всё время что-то преодолевать, какие-то препоны? А если вот лечь по ходу движения жизни и только улавливать её колебания, даже малейшие? Лежать чуть дыша – в счастье.

Раньше с женой они смотрели в одну сторону. Вот например, когда стояли на вершине каратауского хребта, на самом краю скального уступа, и ветер трепал и переплетал их волосы – глядели в одну сторону; когда впервые смотрели в лицо новорождённого сына – тоже в одну; на Горняка когда-то вместе смотрели, и жена гордилась: муж-проходчик деньги большие в дом приносит. Уважение

от людей. Потом жена стала задерживать взгляд, отвлекаться. Её интересовали другие предметы, на которых взгляд Серика не задерживался вовсе. Росло глухое раздражение друг другом, это раздражение было как простуда: когда и не болен, но и не здоров полностью. Между ними возникла вялость, то самое вялое нездоровье в теле и душе, и они как бы стали друг от друга отлетать, как два облачка... он даже физически чувствовал, как они друг от друга отталкиваются и всё дальше разлетаются в вечности... Даже когда сидели за одним столом за ужином, или просто молча пили чай, или лежали рядом в одной постели, под одним одеялом, касаясь друг друга будто мёртвыми, холодными, как рыбы, телами. Тела тоже разъединились, и у каждого из них появился отдельный, чужой запах. Раньше запах жены был родным, он внюхивался в него до пьяноты, а со временем опротивел. Кислятина, что-то усталое, несвежее, злое остро текло в ноздри, от этого запаха хотелось отвернуться, спрятать лицо во что-то детское, тёплое – в бок верблюдицы.

В последний свой приезд в город они чуть не до разрыва разругались, и всё из-за уток.

– Чем ты там занимаешься, хоть бы раз мне уток настрелял, мяса в доме нет, хоть бы утиноного привёз, я бы утиноного жира натопила, было бы чем рис заправлять.

– Нет уток.

– Куда же они подевались?

– Не привёз. Не стрелял.

– Патроны кончились? – съехидничала жена, и в глазах её мелькнула ненависть.

– Не хотел. Деньги – на. Получил.

И бросил на клеёнку кухонного стола мятые новые деньги – тенге.

Потом молча ел горячую, сильно сдобренную красным перцем шурпу.

Думал об озере, как бы туда вернуться поскорее, к той своей юной любви.

А жена глядела на него, как он ест, как наморщивается его коричневая от загара кожа на лбу, как двигаются хрящи крупных ушей, а крепкая короткая шея блестит от пота. «Хоть бы вспомнил, что я ещё женщина».

А вслух сказала: «Теперь над тобой в городе смеются: какой это Серик, бывший горняк, который теперь в лицо всех рыб знает и всех уток по именам? Вот как теперь стало» – и ушла.

Серик смотрел на пролёт уток низко над Чагой. В их пролёте была утончённая грация, но и тоска...

Вчера, уже ночью, приехал вот этот родственник жены с двумя женщинами, одну представил: «Фотокорреспондентка. Почти художница». Про другую сказал: «Лариса». Как будто есть такая профессия – лариса. Серик отвёл их в гостевую юрту. Впотьмах и не разглядел, хороши или так себе. Хоть и было любопытно.

Потом Садыков выскочил из юрты и, похихикивая, нашептал: «Которая корреспондентка, подруга. Сама на меня упала. Я на кинофестивале другую присмотрел – но та меня на полметра выше... только снимок общий дала сделать, а эта прилипла, а муж её в стороне стоял и смотрел, как она ко мне жмётся, – я с ней по средам встречаюсь, зато у неё связи. А Лариса – для гостей. Эскорт. Тут большое дело, завтра приедут важные люди. Готовься. Чтоб всё тип-топ. Шашлычок-машлычок, бешбармак, ухи наваришь, рыбку закопти... и это, главное, чуть не забыл, ружья проверь, уток пострелять для спецгостей: у них там по-пекински, а мы им свою заделаем – по-чагински...»

Серик не понял, что это ему Кайрат про уток толковал. Вряд ли гости охоту устроят: обычно приедут, в лодках покатаются, в озере пару раз окунутся, наедятся бешбармака, ухи, упьются водкой и коньяками, отоспятся и разъедутся восвояси.

Раньше на озере была специальная база для городского начальства, когда Серик только устроился сторожем, но денег на современную реконструкцию не было, и база хирела. Начальство теперь брезговало местным колоритом и выезжало куда-то попрестижнее. Серик тихо радовался тому, что его с озером все забыли. Но какое-то время спустя стали наведываться разные пришлые люди, хотели на озере промысел сделать, потом другие – коттеджи ставить, ещё какие-то китайцы или корейцы – плантацию помидоров и огурцов – чтобы водой с озера поливать, еле отогнали. Так и так озеру плохо, и по-другому не лучше.

Кайрат Садыков любил свой рассказ о том, как он озеро отстоял. И всем это рассказывал:

– Пришёл ко мне Серик, про которого люди говорят, что он всех рыб в лицо знает и всех уток по именам: «Казах ты или нет? Давайте, конечно, последнее озеро в округе уничтожим нафиг. Ну и кому будет хорошо?» Я поехал – поглядел, кому надо – вставил «пистон», кому надо – «откатил», акима Достанова за кадык взял – никто озеро не тронет! Оставил там заведённый порядок. Чтобы люди хоть что-то помнили из прежнего. Пусть вот честный человек, бывший горняк Серик, за порядком следит, люди на него хоть и сердиты за проявленное упрямство в деле с Шагающим Горняком, но про честность его знают...»

Серик, едва рассвело, уже зарядил огромный десятиведерный самовар на углях. Бодрый Садыков, в одних

плавках, щёлкая себя по тугому круглому животу над короткими ножками, бегал вокруг юрты и кричал:

– Вы чё?! Спите ещё? Я вас сюда спать, что ли, привёз? Не позорьте меня, давай-давай, подъём! Серик уже нервничает, думает, я каких-то ленивых привёз.

– Кайратик, пять минут, а? – доносится капризно из недр юрты.

– Какие пять? Вы чё, совсем? А если бы солнце так сказало: не буду вставать, ещё поваляюсь за горизонтом?.. Вы свои городские привычки бросьте. Тоже – с утра кому ни позвонишь – дрыхнут. Ты чё, Кайратик, в такую рань, – передразнил плаксивым фальцетом, – сёдня же выходной... Как будто в выходной жизнь отменяется. А потом удивляются: ой-бой, откуда у тебя новая машина, на какие шиши дом поставил? А я им – спите больше...

– Мы не хотим машину! Ладно-ладно, так кричишь, какой уж сон... – ответили со смешком из душного сумрака юрты.

– Как у людей время девать некуда – удивляюсь, у меня оно всегда в минусе, двадцать четыре часа мало в сутки мне, чтобы всё сделать! Женщин сюда привёз, мужиков встретить, дело решить, а надо ещё в Чимкент за сервисом ехать. Тётя Мадина хочет, чтобы ей сервис от города подарили. Её акимат вызвал и говорит: хотим тебе за твой труд на пользу общества ценный подарок подарить, какой хочешь? Она говорит, хочу сервис. А они ей – хорошо, говорят, согласны, сервис очень прекрасный подарок. Тогда купи сервис – мы тебе его торжественно под аплодисменты вручим. На юбилее города.

Не переставая говорить, Садыков побрызгал себе под мышками водой из озера, помочил ноги, обтёрся, продул нос и сел за дастархан.

– Я пришёл в акимат: вы чё, говорю, ох... в общем, слово с нижним этажом им сказал, как это понимать? Кто

себе сам подарок покупает? Аким: «Да у нас, Кайратик, денег нет! – И карманы даже вытряс. – Вот, – говорит, – на дорогу нет». Сам на «крайслере» разъезжает, а казна у него пустая. Карманы передо мной вывернул – это у него специально всегда в карманах пусто. Приём такой: чуть кто денег просит, он карманы подкладкой наружу, оттуда табачные крошки. Люди обчихаются и идут несолоно хлебавши. Хитрый... Кого вы себе выбираете, а?

Серик пожал плечами: как будто кто-то спрашивает – кого надо выбрать.

Из юрты вышла молодая кареглазая женщина с сонным заломом на щеке и в открытом лёгком сарафане и, плавно ступая, пошла к воде. Серик смотрел, как она, вытянув ногу так, что напряглась икра, аккуратно трогает кончиками пальцев воду. Спина у неё длинная, с крупными лопатками, и руки длинные, и шея... волосы убраны в пучок. Красивая эта женщина, Лариса. Похожа на утку, как его жена.

Подруга, милovidная, стриженная, тоже вышла, но не спустилась к озеру, а под села хмуро к столу и крупными глотками стала пить чай. И тут же закурила. Так и пила из пиалы чай и курила одну за одной какие-то чёрные, маленькие и сердитые сигаретки.

– Прежнего вашего акима сняли к чертям. Тот, наоборот, денег не тратил – экономил, у него денег просят, а он: «Нет – не дам, пусть копятся». Потом отчитался: гордился, б..., что год кончился, а у него полно денег. Сняли. А этот теперь, чтобы не сняли, всё куда-то потратил быстренько: денег опять не даёт городу. Теперь – потому что нет. А праздник юбилейный города праздновать надо, отчитаться перед начальством из столицы. Вот и крутится, как в жопу ужаленный. Ко мне засылал гонцов, мол, надо денег на цветы, а мы тебе за это дадим почётную

юбилейную медаль. Я сам им медали привёз, и он меня ею же наградит. Значит, если каждому по цветку, мне – медаль, акимату – благодарность от столицы, все довольны. Я каждый год хлопочу в районе: грамоты почётные привёз, а они половину не заполняют! В чём дело? «Да, – говорят, – спортились». Как спортились? Протухли, что ли, ваши грамоты? Прячут. Пока не вижу – своих ставят. Каждый раз одни и те же люди – уже скоро как ёлки будут, упадут под побрякушками! Чего, говорю, у тебя опять вот Кайрат да Серик – это я к примеру: понимаешь, допустим, каждый год только тебе и мне выделяют, а больше людей что, в городе нет? Только эти два человека? То, сё, мол, один человек цветы нам покупает, другой человек – рамки для дипломов. Они нам помощь – мы им тоже благодарим. А так у нас денег нет. Вот, – говорю, – зачем вставил опять этого главного врача? Пятый раз уже в грамоту ставишь. Он: «Да это же главный врач! Я его не вставлю – он мне потом диагноз фальшивый поставит, ты чё? Это же главный человек – на здоровье сидит!» Что за люди вообще, любое хорошее дело доведут до его обратной стороны! Я Мадине сказал – пошли их нафиг с этим сервисом, что на их гнилую мельницу воду лить, а она упёрлась: «Хочу почётно получить, чтобы весь город видел, что я за свою жизнь не достойна?» И в похоронные деньги полезла. Я ей: «Так не пойдёт, сам тебе куплю, какой хочешь? Она – китайский фарфор, настоящий, с драконами – только в Чимкенте продаётся». Надо ехать – завтра поеду...

Серик всё смотрел на Ларису, которая не спешила к достархану, а задумчиво бродила по щиколотку в воде вдоль берега. И было жаль этой красоты, и потянуло к жене.

– Чё, запал? - ткнул его плечом Садыков.

– Пойду. Работать надо.

День прошёл в подготовке к приезду важных гостей. Забили барана, разделали, женщины вытрясли кошмы, перемыли от пыли и песка посуду, резали зелень.

Потом приехали гости, не местные. И два китаецца.

«Вот зачем этот утренний разговор про уток», – вспомнил Серик, и что-то вдруг его зацепило, что-то в этот день с самого начала было не так: в самом этом внезапном приезде Садыкова, в его хвастливой надрывной болтовне, в этих напряжённых женщинах; он это чувствовал с самого утра, только не понимал, а теперь понял. Не случайные люди приехали – они так ходили, так смотрели, что-то записывали...

Когда жена Серика открыла утром дверь квартиры, то едва не потеряла сознание: прямо под дверью лежала убитая утка. На ступеньках лестницы сидел Серик. Наверное, давно сидел, может с рассвета или всю ночь. От озера Чаги тридцать пять километров. Он прошёл их пешком.

Жена ничего не спросила, помогла мужу войти в дом, раздела его и уложила в кровать, сняла и с себя всю одежду, легла рядом нагишом, чтобы теплом своего тела отогреть мужа, оттянуть внутрь себя его боль. Он вдыхал этот родной, любимый запах. Потом сказал:

– Я уволился.

Спонсоры... так потом объяснил Садыков, он всё объяснил. Он был крепко пьян и очень всё разъяснил Серику. У этих людей есть большие деньги, такие, каких ни у акимата, ни у самого Садыкова, ни, может, у всей страны нет таких денег, которые есть у этих вот пришельцев с холодными острыми взглядами.

На месте озера Чаги будет элитный охотничий заказник, будет много людей и много денег, потому что скоро, очень скоро весь этот город станет частью большого мегаполиса. Путём слияния все мелкие посёлки исчезнут – все эти ачисаи, баялдыры, миргалимсаи. Они уже нерентабельны, пришло другое, мощное время, никто не может встать поперёк, тем более «знающий в лицо рыб и уток». Такие, как Серик, пойдут за своим Шагающим Горняком, но приведёт он их прямо в кювет.

Садыков стал хохотать как ненормальный: «В кювет истории, с грохотом, все туда свалитесь...»

Он смеялся и смеялся, потом начал плакать и икать, но и от его смеха, и от его слёз Серику стало скучно, он сказал Садыкову: «Увольняюсь» – и ушёл в камыши, и убил утку, всего одну утку для своей жены.

А потом прошёл тридцать пять километров по своей земле. Он её чувствовал подошвами, он вдыхал её запах широкими ноздрями... он шагал и шагал – шагающий горняк.

В сентябре на город обрушился настоящий ураган: ветер срывал с крыш не только старый, но и новенький шифер, он летал над городом, подобно диковинным птицам из какого-то звёздного будущего, и ещё целые панельные секции летали, и куски стеклопластика. И разодранные в клочья баннеры, и ветви деревьев вперемешку с листьями и пустыми жестяными банками из-под пива... Ветер этот длился три дня. Афганец. Раньше, когда задувало, винули Байконур: как ракету пустят, так по всей земле дует. Теперь никто не запускает, а вот ураганы случаются всё равно. И этот был аж за тридцать метров в секунду.

Когда афганец стих, Серик вышел на улицу; он встречал знакомых, и те приподымали кепки, подмигивали, жали руку, похлопывали по плечам, как будто Серик установил в скоростной проходке новый мировой рекорд. Кто-то хихикнул ему прямо в ухо: «Шагающий завалил стелу». Это была главная городская новость. Куски стеклопластиковой «независимости» три дня носило над городом ветром-афганцем, а чугунный «Шагающий Горняк», не шелохнувшись, выстоял.